

Была родительская суббота. Хотя, может, и не родительская вовсе, и даже не суббота, и Мышильда все выдумала, чтобы умыкнуть меня с работы. Впрочем, я ничего не имела против. В работе наступил мертвый сезон: июль, богатые люди — а мои клиенты богатые люди — отдыхают на курортах с громкими названиями, а не сидят в пыльном душном городе, где асфальт на улицах плавится от жары.

Я тяжело вздохнула от сочувствия к себе, так как в отличие от своих богатых клиентов плавилась в городе вместе с асфальтом. Чтобы поднять себе настроение, я закинула на стол ноги и стала их рассматривать, точнее, созерцать. Подобной красоты мне никогда не приходилось видеть. Настроение незамедлительно повысилось, я погладила свои коленки, улыбнулась и сказала:

— Чудо что за ноги. — И добавила: — Чтоб им всем провалиться! — Такая немилость относилась к мужской половине человечества. Всех

ее представителей я не жаловала в принципе. При мысли о них настроение сразу же испортилось, тогда я торопливо перевела взгляд на зеркало, увидела свое отражение, улыбнулась ему, подмигнула и пропела: — Красавица. Принцесса... нет, королева.

Хорошее настроение быстренько вернулось. Тут зазвонил телефон. Я откашлялась и не спеша подняла трубку.

— Слушаю, — пропела я бархатным голосом, и, как оказалось, совершенно напрасно: на том конце провода был не предполагаемый клиент, а мой последний муж. Вообще-то он уже не был мужем три месяца, но все еще им числился, из-за того, что я никак не могла выкроить время и оформить развод. Итак, последний муж громко засопел, потом вздохнул, потом сказал тихо:

— Лизанька...

— Ну? — спросила я. Звонок настораживал, потому как последнему звонить мне было совершенно незачем. Правда, мелькнула шальная мысль, что он смог сделать что-то путное, то есть пошел и подал на развод сам, но в это как-то не верилось. И правильно. Еще раз тяжело вздохнув, он скороговоркой выпалил:

— Лизанька, я хочу вернуться.

— Куда? — не сразу сообразила я.

— К тебе, — ответил он, а я гневно отрезала:

— Ни за что!

— Ты не можешь меня бросить вот так, совершенно неожиданно... И вообще...

— Как это неожиданно? — возмутилась я. — Я предупредила тебя за два месяца, а потом дважды назначала испытательный срок, хотя прекрасно знала, что только зря теряю время. И что? Вместо благодарности ты вдруг заявляешь, что я бросила тебя неожиданно, да еще хочешь вернуться! Это бессовестно, вот что... — Я резко выдохнула и стала перемножать в уме трехзначные цифры, с цифрами у меня проблемы, и это отвлекает.

Из трубки раздалось подозрительное хрюканье, потом тихое постанывание и вновь хрюканье.

— Ты что там делаешь? — насторожилась я.

Последний, не таясь, всхлипнул и запричитал голосом обиженного ребенка:

— Лиза, я покончу с собой...

— Как, интересно? — съязвила я. За три месяца он кончал с собой раз двадцать, причем каждый раз так глупо и неудачно, что у меня чесались руки помочь ему и разом прекратить все это.

— Лиза... — простонал он очень громко.

— Иннокентий Павлович, — ядовито начала

я. — Вы как адвокат должны знать, что подобное поведение называется шантажом...

— Мне все равно, как это называется, я хочу вернуться. Я сейчас стою на балконе, и одного твоего слова достаточно...

— Стой, — перебила я. — Ты имеешь в виду наш балкон?

— Да, — жалобно ответил последний, а я вздохнула:

— Кеша, я тебя умоляю, у нас первый этаж. Я согласна: балкон расположен достаточно высоко, но не настолько, чтобы ты мог разбиться. Внизу кусты, это смягчит удар, и ты уж точно не разобьешься, зато исцарапаешь лицо и руки и будешь выглядеть совершенно нелепо. К тому же ты уже дважды прыгал с нашего балкона и даже руку не смог сломать.

— Ты бесчувственная, — растягивая слоги, сказал Иннокентий Павлович и зарыдал, а потом ехидно добавил: — Я могу подняться на крышу. У меня есть ключ от чердака.

— О господи... — Я смотрела на свои ноги, но даже это не помогало. — Чего ты хочешь?

— Еще один испытательный срок, — довольно сообщил он.

— Зачем, ты все равно его провалишь.

— Нет. Я чувствую в себе силы. Я люблю тебя и чувствую в себе силы. — Он вроде бы развеселился, а я окончательно скисла и сказала:

— Ладно.

— Когда ты переедешь? — быстро спросил он.

— Завтра, — отмахнулась я.

— Ну, почему же завтра? — начал канючить он, но я решительно его пресекла:

— Завтра.

Он сник и, посопев немного, осведомился:

— Мне за тобой заехать?

— Когда?

— Завтра...

— Я и сама способна добраться...

— А вещи?

— А вещи незачем таскать с места на место.

Ты все равно провалишь...

— Я чувствую в себе силы...

Я повесила трубку и выругалась, хотя с понедельника начала новую жизнь, где всяким там выражениям не было места. Я дала себе слово быть леди, а леди не выражаются. И вот пожалуйста...

— Полное дерьмо, — сказала я громко, в этот момент дверь распахнулась и в комнату просочилась Мышильда. На самом деле ее звали Машкой и она была моей двоюродной сестрой.

Я взглянула на нее и скривилась. Если честно, глядя на сестрицу, я неизменно поражаюсь, как подобное создание могло появиться в нашей семье. Дед наш славился тем, что зубами мог

поднять мешок соли, вытаскивал телеги из грязи без видимых усилий, плотничая, таскал по два здоровенных бревна. Мой родитель тоже прославился, правда, на свой лад: он мог выпить ведро самогона и не умереть. В конце концов все-таки умер, но лишь потому, что многократно увеличил дозу. Из родственников мужского пола не могу припомнить ни одного, кто был бы ниже двух метров. Впрочем, родственников мужского пола оставалось немного. Их косила неумная тяга к алкоголю. Женщины были под стать мужчинам и на мешки с картошкой и прочую дребедень посматривали с неизменной усмешкой, а при случае могли бы гнуть подковы, но просто не видели в этом необходимости.

Мышильда была в семье белой вороной, точнее мышью, и не белой, а рыжей. Рост у нее средний, а по нынешним меркам ниже среднего, а общий вид какой-то худосочный, наводящий на мысль о бледной немочи и прочих болезнях. Бюст и зад отсутствуют практически полностью, зато плечи торчат, точно вешалка в шифоньере. Ноги могли бы выглядеть вполне прилично, умей она ходить на них, но Мышильда любит высокие каблуки, при этом шаркает и бредет на полусогнутых. Лицом сестрица походит на подопытную белую мышь — вострень-

кая, смышленная, с глазками-бусинками, светло-рыжими ресницами и бровями, пятнами веснушек по всей физиономии и неопределенного цвета волосами, собранными на затылке в тощий хвост. При такой внешности сестрица, ко всему прочему, всегда отличалась некоторой врожденной злокозненностью и склонностью к ехидству.

Мышильда просочилась в комнату, а я, взглянув на сестрицу, подумала в очередной раз: «В семье не без урода». Росли мы с ней как бы в одной семье, мама Мышильды, сестра моего отца, работала проводницей и часто отсутствовала, а ее отец, подобранный тетушкой на каком-то полустанке, лет через семь после рождения дочери поехал навестить родню, да так никогда больше и не возвратился в лоно семьи. Для лона семьи, впрочем, это была большая удача. Дядю я помнила смутно, но, надо полагать, Мышильда пошла в него, ибо не было в ней ничего от моей красавицы тетки.

— Поедем? — спросила сестрица, устраиваясь напротив меня; ко всему прочему, она дурно воспитана и вечно забывает здороваться.

— Здравствуй, — вздохнула я.

— Ну, здравствуй, — нахмурилась она, при этом ее нос стал до того остреньким, что мог бы с легкостью проткнуть крышку моего стола.

Конечно, и из Мышильды моими стараниями вполне можно было бы состряпать нечто путное, но она неизменно отказывалась от моих услуг, предложенных от души и безвозмездно, исключительно с целью придать семье достойный вид, чем, естественно, раздражала меня еще больше.

Мышильда повертела головкой, постреляла глазками и спросила:

— Настроение плохое, да?

— Да, — кивнула я.

— А отчего?

— Иннокентий Павлович звонил. Хочет прыгнуть с балкона.

— Опять с вашего? Ну, это смешно, в конце концов.

— У него есть ключ от чердака.

— О господи... И что?

— Дам ему еще шанс.

— Толку от этого не будет.

— Зато я чувствую себя такой благородной.

— Как это вообще можно: дать кому-то шанс стать мужчиной? Что это вообще значит?

— Это значит не рыдать на моей груди трижды в день по поводу, а также без повода.

— Может, ему в самом деле лучше на чердак слазить?

— Как ты можешь? — нахмурилась я. — Ни-

когда не замечала за тобой особой кровожад-ности...

— Да я так... к примеру. И что, пойдешь жить к нему?

— С ума я сошла, что ли? Просто не знаю, что делать, — не выдержала я.

— Ага, — кивнула Мышильда и не без ехидства заметила: — Я тебе сразу сказала: вы не пара и ничего путного из твоего замужества не выйдет. Как сказала, так и получилось.

— Точно. Накаркала, одним словом, — согласилась я.

— Я не каркаю. И вообще... где были твои глаза?

— На том же месте, где и сейчас, — вздохнула я и призадумалась.

Воспоминания унесли меня в тот день, когда я увидела последнего мужа впервые. Моя подруга судилась со своим мужем из-за имущества, которое требовалось разделить поровну, но у каждой из сторон были свои представления о половине, и дело застопорилось, вот тогда подруге и посоветовали адвоката, ловкого и чрезвычайно удачливого. Им оказался Бельский Иннокентий Павлович, мой дражайший супруг, ныне собирающийся в очередной раз упасть с балкона. Тогда он меня просто поразил: энергия была в нем через край. Остроумие

прямо-таки сверкало, а о роли женщины в современном мире он говорил так, что выжимал из меня слезу. Само собой, я не смогла пройти мимо такого сокровища. Судебный процесс моей подруги он выиграл, а мы поженились.

Дома Кеша тоже много говорил: горячо и убежденно, правда, все больше о своей незавидной доле. Он уставал от работы и непонимания, ему требовался душевный комфорт и тихая пристань... Моя доля тоже стала через некоторое время незавидной, и я покинула его. С тех пор он затевал неудачные самоубийства, и мне приходилось несколько раз к нему возвращаться. Это было довольно громоздко, в том смысле, что, покидая нашу общую с Иннокентием Павловичем жилплощадь, я могла устроиться лишь в одном месте: нашей опять же общей с предпоследним мужем квартире. На это время мой предпоследний муж вынужден был переселиться в квартиру своей мамы, эта квартира пустовала, но располагалась у черта на куличках, что само по себе было неудобно. В общем, из-за глупого поведения последнего мужа мы с предпоследним находились в постоянных переездах, что, разумеется, настроения никому не прибавляло. Сейчас я не намерена была переезжать, даже если Иннокентий Павлович покажет мне ключ от чердака и заберется туда. Именно

это я и сказала Мышильде. Та хмыкнула и полезла за сигаретами. Это чудосочное создание имело бездну пороков, например, сестра без конца курила, чем доводила до бешенства меня, сторонницу здорового образа жизни. Я ткнула пальцем в табличку «Извините, у нас не курят», а Мышильда с кривой усмешкой сказала:

— Да ладно...

— Вышвырну, — заверила я. Она вздохнула и убрала сигареты, пробормотав:

— Пакостный у тебя характер, Елизавет Петровна. Оттого все твои мужики либо с катушек съезжают, либо впадают в пьянство.

— Хорошо хоть есть кому впадать, — не осталась я в долгу. — У некоторых сроду не было не только мужа, а и просто приличного мужика, и это несмотря на критический возраст. — Сестрица была старше меня и сейчас заметно скривилась. Потом поднялась со стула и сказала:

— Поехали, что ли?

Собирались мы на кладбище, навестить усопших родственников. Набралось их, к сожалению, предостаточно, преимущественно мужчин, которых, как я уже сказала, косила страсть к зеленому змию.

— Поехали, — ответила я и встала из-за стола.

Мышильда, задрав голову, посмотрела на меня с плохо скрываемым уважением. Тут надо,

наверное, пояснить, что смотреть на меня без уважения дело нелегкое. Рост у меня завидный: метр восемьдесят девять сантиметров. В детстве меня дразнили «дылдой», а я втягивала голову в плечи, горбилась и сгибала колени, стараясь выглядеть хоть на сантиметр ниже, парни меня сторонились, соперничая друг с другом в остроумии на мой счет, а я горбилась еще больше. Но к моменту окончания школы поняла, что в мире нет особи мужского пола, ради которой стоило бы ходить на полусогнутых. Я расправила плечи, вздернула нос, вскинула подбородок и начала носить туфли с каблуком высотой двенадцать сантиметров. Моим неизменным девизом стало: «Пусть они все провалятся». Кто такие «они», я уже объяснила.

Я самостоятельная женщина, и у меня свой бизнес: что-то вроде женского клуба под названием «Имидж». Я помогаю женщинам самоутвердиться, ну и, само собой, отлично выглядеть: шейпинг, бассейн, косметолог и психолог (правда, на полставки, дерет, подлец, страшные деньги). Начинала дело в одиночку, преодолевая всевозможные трудности, но теперь могла позволить себе завести семерых служащих. В настоящее время почти все находились в отпусках из-за мертвого сезона. Чтобы не ударить лицом в грязь, за своей фигурой я всегда следи-

ла с особым усердием и оттого выглядела сногшибательно, не в переносном, а в буквальном смысле: мало кто, увидев меня, способен был удержаться на ногах. Мышильда незаметно вздохнула и потрусилась к двери, я одернула короткое, сильно облегчающее платье, делающее меня просто неотразимой, и шагнула вслед за сестрицей.

Мы прошествовали к лифту. Лифтер, парень лет двадцати, завидев меня, привалился к стене, прикрыл глаза, задышал часто-часто на манер собаки, потом открыл глаза и проямлил:

— Прошу вас. — Он трудился вторую неделю и еще не привык.

Я легонько потрепала его по плечу, парень расплылся в улыбке и влетел головой в дверь лифта, охнул, покраснел и нажал не ту кнопку, лифт пошел не вниз, а вверх. Парень извинился, стал нажимать подряд все кнопки, и свет в кабине погас. Мышильда нервно хихикнула, свет вспыхнул вновь, а лифт наконец-то отправился в нужном направлении.

Лифтер был недавним приобретением, двухнедельным, как я уже сказала. Когда я только открывала здесь свою контору, арендная плата была смехотворной, а табличек на дверях повешано столько, что глаза разбегались. Год назад три этажа заняла одна крупная фирма, вытес-

нив мелкие конторы. Моя, само собой, осталась, равно как и смехотворная арендная плата.

Мы вышли из лифта. Трое мужчин, спешивших нам навстречу, разом замерли, даже про лифт забыли, и правильно: лифтер тоже про него забыл и до сих пор размазывался по стенке.

— Просто смотреть противно, — пожаловалась Мышильда. — Ведут себя как идиоты.

— Правильно себя ведут, они идиоты и есть, — отмахнулась я и направилась к машине.

У меня новенький «Фольксваген», я отвалила за него огромные деньги, но он того стоит. Мышильда перевела взгляд с меня на машину и тяжело вздохнула:

— Везет же некоторым.

— Это кому же? — усмехнулась я, устраиваясь за рулем.

— Только не заводись, что ты сама, своими руками и так далее...

— А тебе кто мешает своими руками? — огрызнулась я.

— У меня нет твоей хватки.

— Тогда живи на свою зарплату.

— Проживешь на нее, как же, — обиделась сестрица. — Отпуск, а я здесь торчу.

— Поезжай на юг, — продолжала я вредничать.

— На какие шиши? — В этом месте она на-

сторожилась и спросила ласково: — А ты на юг собралась?

Ясно, Мышильда уже со мной намылилась ехать.

— Отдохнуть в этом году не получится. Деньги нужны, придется покупать квартиру.

— А твоя как же? — удивилась Мышильда, или попросту Мышь.

— Что значит моя? Есть еще Иннокентий Павлович. Не могу же я его вышвырнуть на улицу. Он, чего доброго, и вправду с балкона сиганет. К тому же он прилично зарабатывал, когда мы ее покупали, и на половину жилья имеет право.

— А другая квартира?

— Там же предыдущий муж живет. Его я тоже оттуда не могу выгнать. У него полоса неудач.

— Ага, — съязвила Мышильда, — и мамина квартира. Слушай, а почему бы тебе не сделать родственник обмен, занять одну квартиру, а в другую поселить предпоследнего с последним?

Я неодобрительно посмотрела на Мышильду, хотя идея показалась мне занятной.

Мы подъехали к рынку и отправились за цветами. Парень, сидевший в «Вольво», прищемил палец дверью, еще один поскользнулся на

арбузной корке, а тип, у которого мы покупали цветы, простонав «господи», забыл взять у меня деньги. В целом поход прошел нормально. Мы загрузились в машину и поехали на кладбище.

День был солнечным, но не таким жарким, как предыдущий. На завтра обещали дожди.

— Сейчас бы к морю, — мечтательно прошептала сестрица, хитро на меня поглядывая. И совершенно напрасно: к морю я не собиралась, так же как не собиралась тратить деньги на эту Мышь неопределенной окраски. О чем я не замедлила прозрачно намекнуть.

Старое кладбище находится в черте города. Оставив машину на стоянке, мы прошли через новые ворота и по аллее направились в сторону церкви. Здесь, возле кирпичной кладбищенской ограды, похоронены наши бабушка и дедушка. С них мы обычно начинаем посещение. Могилы радовали глаз цветущими бархатцами. Мышильда принесла воды, мы немного прибрались, расставили цветы и присели на скамейку. Я посмотрела на памятник с выбитыми на нем датами. Если мужчины в нашем роду мерли как мухи, то женщины, как будто желая компенсировать их столь недолгое пребывание на земле, доживали до глубокой старости. Бабуля отметила свой девяностолетний юбилей и скончалась на следующий день, пережив супру-

га на тридцать лет. Думаю, дедушка ее дождался с большим трудом. Впрочем, судя по рассказам, встреч с дражайшей половиной он никогда особенно не искал. По белу свету его носило от Львова до Шанхая, а бабушка была тяжела на подъем и за ним не поспевала.

Мышильда полезла за сигаретами, а я рывкнула:

— Не смей при бабке.

— Глупость какая, — разозлилась сестрица, но закурить все же не решилась, вздохнула, посмотрела на меня и сказала: — А у меня бабушкины бусики остались, янтарные. Она еще в них на фотокарточке, помнишь, возле дома с сокровищами?

— Помню, — кивнула я и вздохнула. Ключевая фраза была произнесена, и мысли, мои и Мышильдины, само собой, потекли в одном направлении.

— Как думаешь, — через некоторое время спросила сестрица, — они там?

— Кто? — прикинулась я дурочкой.

— Сокровища, конечно.

— О господи... — Я покачала головой и отвернулась.

— Думаешь, рассказы? А помнишь, в детстве мы с тобой мечтали, когда вырастем, поедем и найдем их.

— Помню. В детстве все мечтают о сокровищах.

— Но не у всех родной прадед их зарывает, — обиделась Мышильда и, облизнувшись, спросила: — Чего там спрятано-то, я забыла?

Как же, забыла она.

— Тридцать золотых червонцев, — заунывно начала я старую-престарую семейную сказку. — Три колье, одно с большим бриллиантом и четырьмя маленькими, другое с изумрудами, третье с гранатами.

— Прабабкино приданое. Обручальное кольцо, тоже с бриллиантом... — подхватила Мышильда. Перечислив все до последней броши и булавки, мы с облегчением вздохнули, после чего Мышильда с грустью спросила: — Неужели все это правда где-то лежит?

— Брехня, — нараспев заверила я, разводя руками.

— Ну почему «брехня»? — обиделась Мышильда. — По-твоему, бабка все выдумала?

— Не бабка, а дедка. Небось спустил все на актерок, а бабке наврал, что спрятал.

— Какие актерки? — обиделась за прадеда сестрица, а я рукой махнула.

Росказни о кладе я слышала с самого детства. История выглядела так: наши предки проживали в начале века в одном из старинных русских

городов, ныне крупном областном центре. Прадед был из купцов, единственный ребенок в семье, рано лишившийся родителей. Нравом кроток, к зелью равнодушен. К тридцати пяти годам удвоил родительский капитал и выгодно женился на мещанке Авдотье Нефедовой, семья которой промышляла огородничеством и отнюдь не бедствовала. Авдотья родила ему троих сыновей, отчего, надо полагать, кроткий нрав моего прадеда неожиданно изменился, он стал впадать в буйство по причине внезапно обнаружившейся большой тяги к горячительным напиткам. Прабабка, спасаясь от мужниных приступов белой горячки, бежала к родителям, а подросшие сыновья остались с отцом. Состояние семьи было заметно подорвано, и тут грянула революция. Прадед встретил ее с лозунгом «Помирать, так с музыкой» и ударился в запой, предварительно спрятав на черный день тридцать царских червонцев, а также золото-бриллианты. Запой кончился тем, что почтенный купец вышел на улицу голым. Новая власть, возможно, сочла бы это за протест против старой морали, но семейный врач с этим не согласился, и прадеда упекли в сумасшедший дом, где он вскорости и умер, успев шепнуть старшему сыну, то есть моему деду, что золото-бриллианты зарыты в подполе под кухней, возле боль-

шой бочки. Как видите, указание грешит не-точностью. Над страной тем временем занялась заря новой жизни, дед был арестован, чудом избежал расстрела, покинул родной город и долго странствовал, пока не женился и не осел в нашем городе. В огне гражданской войны сгинули оба его брата, и дед остался единственным наследником спрятанных сокровищ. На их поиски он отправлялся дважды: до и после Отечественной войны. После войны уже вместе с моим отцом. В родном доме жили чужие люди, а время было такое, что о сокровищах вслух говорить не следовало. Обе экспедиции успехом не увенчались. Мой отец в одиночку предпринял попытку отыскать клад, потом еще дважды отправлялся на поиски с друзьями, но каждый раз неудачно: не только до царских червонцев, но и до подпола добраться никак не удавалось. Народ в бывшем бабкином доме проживал на редкость недоверчивый и осторожный. Последняя попытка отыскать сокровища была предпринята моими двоюродными братьями несколько лет назад. Конечно, вернулись они ни с чем. Дом к этому времени совсем обветшал, часть его снесли, а часть перестроили. Так что определить, где кухня и под ней подпол, а в подполе большая бочка, стало затруднительно. Но мысль о сокровищах неизменно будоражила

наше семейство. Ни одно застолье не обходилось без заунывного перечисления бриллиантов и изумрудов, а также наполеоновских замыслов по их обнаружению. То, что Мышильда, глядя на могильную плиту предков, вспомнила о кладе, меня не удивило. Но раздосадовало. И я потащила ее к другим родным могилам, переводя разговор на дела земные. Мышь задумчиво кивала в ответ и вдруг брякнула:

— Елизавет Петровна, давай съездим.

— Куда? — растерялась я.

— Как куда? В места обитания предков. Посмотрим на дом, и вообще...

— Чего на него смотреть?

— Ну... интересно. Жили люди, нам не чужие.

— От дома ничего не осталось, и смотреть там нечего. А если ты все же на сокровища намекаешь, так я в них не верю.

— Сокровища есть, — убежденно заявила Мышильда. — Просто добраться до них сложно. Кто всегда отправлялся на поиски? Мужики. Не хочу обидеть родственников, но мужики в нашем семействе, кроме как ростом да гиблой страстью к запоям, ничем похвастать не могут. Клагоискатели из них, как из меня штангист. Они в дом-то ни разу войти не смогли. То ли дело мы. Перед тобой любой мужик дверь рас-

пахнет и первый в подпол полезет, исключительно из-за твоего удовольствия. Отчего б и не рискнуть, а?

Мне стало ясно: коварная Мышильда, поняв, что на юг я ее в этом году не повезу, решила использовать семейное предание в корыстных целях: прокатиться за мой счет за триста километров и пожить в древнем русском городе в комфорте и довольстве. Мышь делила коммуналку с тремя веселыми соседями и, само собой, мечтала хоть в отпуск вырваться из этого рая. Чтобы испортить ей настроение, я поинтересовалась:

— А кто будет финансировать экспедицию?

Лицо сестрицы еще больше вытянулось, глазки сверкнули, и она, тяжело вздохнув, затихла.

Закончив обход кладбища, мы побрели к стоянке, где нас ожидал мой «Фольксваген». К сожалению, не один. Рядом с ним пасса инспектор ГАИ, весело насвистывая и зазывно поглядывая по сторонам, а я только теперь обратила внимание на табличку, под которой пристроила свою машину, — «Только для служебного транспорта».

— Отшить его? — подхалимски предложила Мышь, как видно, все еще мечтая о сокровищах. Я пожала плечами и зашагала решительнее.

— В чем дело? — пропела я ласково. Страж порядка резко повернулся и замер. Нос его находился как раз на уровне моей груди. Он приподнял голову, слабо охнул и начал заваливаться влево. — Жарко сегодня, — посочувствовала я. Он снял фуражку, помотал головой, моргнул два раза и попробовал что-то сказать. Мы загрузились в свое транспортное средство и отчалили, страж сделал попытку помахать нам рукой.

— И после этого ты не хочешь попробовать? — снова полезла ко мне сестрица. Мысль провести отпуск в коммунальном раю ее не вдохновляла.

— Я подумаю, — лениво кивнула я с целью отделаться от глупых разговоров и увеличила скорость, что позволило мне высадить Мышильду через двадцать минут. Она с грустью во взгляде сказала:

— Пока, — и исчезла в своем подъезде, а я направилась к своему дому.

В квартире меня ждал сюрприз. На диване бочком, сложив руки на коленях, сидел предпоследний и поглядывал на меня с некоторым томлением. По моему мнению, в настоящий момент он должен был находиться в квартире своей мамы, а не сидеть на диване с таким дурацким видом. Об этом я ему и заявила. Предпоследний, томясь и потирая ладошки, поднял на меня затуманенный взор и сказал:

— Елизавета, я решил вернуться.

— В эту квартиру? — уточнила я.

— Нет, — отчаянно помотал он головой. —

Я хочу вернуться к тебе.

— Вы что, все с ума посходили? — возмутилась я.

— Нет, — опять помотал он головой. — Я долго думал и понял. Мы созданы друг для друга. Я покончил с пьянством. Все, — предпоследний рубанул рукой воздух и замер, выжидательно глядя на меня.

— Когда покончил? — спросила я.

— Вчера, — охотно ответил он. — Заметь, даже не похмелился.

Он подобрал животик и с улыбкой уставился в мое лицо. Предпоследний, зовут его, кстати, Михаил Степанович, у меня непризнанный гений. Величайший поэт всех времен и народов, а также обладатель неповторимого голоса и большой любитель русских народных песен. Других достоинств нет. За всю свою жизнь, а Михаилу Степановичу уже к сорока, он дважды пытался начать трудовую карьеру: первый раз корреспондентом заводской газеты «Гудок», откуда вскоре был изгнан за пьянство, а второй — комендантом заводского общежития, откуда ушел сам, ибо должность сия не соответствовала его интеллектуальным запросам. Ряд

моих попыток пристроить куда-либо дражайшего супруга успехом не увенчался.

На момент нашего знакомства он исполнял арию Базилио в народном театре и тыкал в лицо всем знакомым тощую книжку своих стихов, изданную на средства его матушки, в то время заведовавшей трестом столовых и ресторанов. Он целовал мне руки, закатывал глаза, шептал: «Венера» — и в первый же вечер предложил выйти за него замуж. У меня необоримая тяга к интеллигенции, и я согласилась. Через неделю после свадьбы Михаил Степанович начал писать роман, который должен был перевернуть всю литературу (зачем ее переворачивать, он так и не объяснил), через год он все еще пребывал на третьей странице, но был переполнен грандиозными замыслами. Я предложила ему устроиться на работу. С отчаяния он запил, а ко мне обращался в стихах, где умолял не губить его талант. Просто лодырь — это одно, а лодырь-пьяница — совсем другое. Я почувствовала себя ответственной за него и стала бороться, а Михаил Степанович принялся пить еще больше. Его матушка перед своей кончиной прямо заявила, что я — погибель ее сына. В конце концов зеленый змей победил, я оставила супруга в покое, он попивал, пописывал стихи, исполнял русские народные песни на нашей кухне